

УДК 82.091

DOI: 10.26456/vtfilol/2023.3.028

СЕВЕР КАК ОБЪЕКТ ПУБЛИЦИСТИКИ М. М. ПРИШВИНА И С. Н. ДУРЫЛИНА: К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДА

И. А. Казанцева

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье рассматриваются тенденции развития отечественной словесности начала XX века на материале двух северных очерков М. М. Пришвина и С. Н. Дурылина. Устанавливаются источники и причины ключевых различий в способах воплощения факта. Вопрос о закономерностях развития отечественной словесности первой половины XX века иллюстрируется через две основные тенденции литературного процесса, оформившиеся в противоположные эстетические системы, подтверждающие многообразие видов реализма.

Ключевые слова: *духовный реализм, мифопоэтика, очерк, публицистика, факт.*

Творчество М. М. Пришвина и С. Н. Дурылина изучается в рамках разных исследовательских подходов [1; 5; 6; 7; 9; 10; 11], несмотря на значительный вклад ученых в данную проблематику, для восстановления картины литературного развития начала XX в. актуальным остается уточнение истоков и специфики творческого метода писателей. Справедливость выводов Е. А. Коршуновой, характеризующей метод С. Н. Дурылина как сочетание «символистской поэтики, постсимволистской и неореалистической» [5, с. 7], сочетается с далеко не бесспорной оценкой роли мифопоэтического принципа: «Дурылин-мифомыслитель периода создания очерка «За полуночным солнцем» (1911–1912) становится в дневнике (Водлозерском. – И. К.) духовным реалистом» [4, с. 402]. Анализ путевых очерков М. М. Пришвина «За волшебным колобком» и С. Н. Дурылина «За полуночным солнцем» – звено в системе доказательств противоположных путей воплощения реальности. Очерки М. М. Пришвина стали итогом второй поездки на Север, во время которой автор стремится обойтись без плана (хотел провести время как «лесной бродяга»), что с учетом первой публикации – «В краю непуганых птиц» – по итогам командировки Русского Географического Общества, наградившего писателя Малой серебряной медалью, дает основания для датировки момента выбора направления художественных поисков натуралиста. Для С. Н. Дурылина важен детальный план командировки по поручению Московского Археологического Института. Оба автора едут в Архангельскую губернию в хро-

© Казанцева И. А., 2023

нологически близкий промежуток (1907 и 1911 годы). Общий предмет, условия (не первое знакомство с Севером), возврат к теме в более поздних произведениях, жанровые предпочтения (очерки дополняют дневники) создают предпосылки для решения поставленной задачи. Очерковая жанровая доминанта текстов предполагает опору на факт и пространственно-временную детерминированность сюжета. Отличие авторской позиции – в амбивалентности пришвинского повествователя, сопоставление всех северных текстов С. Н. Дурылина убеждает в противоположном. Комплекс средств, воплощающих факты, показывает, что влияние общего внелитературного контекста рубежа XIX–XX вв. [1, с. 10; 11, с. 36] привело к противоположным следствиям.

Повествователь М. М. Пришвина дистанцирован от героев, удельный вес мифологических и фольклорных средств условности в аксиологической функции значителен: «Черты такого мифологического поведения обнаруживаются <...> в желании обрести ту интенсивность, с которой мы пережили или познаем нечто в первый раз: в желании обрести далекое прошлое, блаженное время “первоначал”» [12, с. 189]. «Выход» за пределы исторического времени позволяет восстановить целостность человека, которую С. Н. Дурылин обретает иначе, в поиске «духовных» черт северного топоса. Хронотоп М. М. Пришвина определяется установкой на мифологическую условность. Фольклорные образы зафиксированы в заглавии и реализуются в мотивах пути и иллюзорности. Так, продолженное в очерках «За волшебным колобком» бегство за детской мечтой, определило итоги обоих «кругов» путешествия: со странниками и поморами. «Чужой текст» становится одним из инструментов для формирования мифопоэтической оппозиции, эпос «Калевала» усиливает восприятие иллюзорности пребывания повествователя в конкретном топосе, возникая как умножающаяся псевдореальность на пути поисков «страны непуганых птиц», а у С. Н. Дурылина это источник уточнения топографии. Помимо фольклора северных народов, в очерках М. М. Пришвина важная роль отводится литературным источникам. Эпиграфы и цитаты из «Одиссеи» Гомера, «Будем как солнце» К. Бальмонта, «Божественной комедии» Данте формируют символическое поле «кругов» северного путешествия, в то время как С. Н. Дурылин обращается к локальным образам, уточняющим увиденное, например, храму «ярославца» Н. А. Некрасова. Для автора «За полуденным солнцем» значимы топонимика, исторические справки и фотографии, большая часть которых сделана во время экспедиции В. В. Разевигом, которому и посвящен текст. Свободный эссеистический подход к изложению впечатлений становится доминантой метода М. М. Пришвина. Он ведет свою «хронику» с фотоаппаратом, но использует его в функции фольклорной волшебной вещи, которая будет центром увлекательных фантазий автора о приключениях человека с фотоаппаратом в Норвегии.

Процесс фотографирования поморов не столько фиксирует их образы, сколько становится частью будущей декорации: «А то вот я его сфотографирую, и он повесит портрет в “чистой” комнате над столиком с тюлевой скатертью. На него будут смотреть из угла преподобные Зосима и Савватий и птица Сирин, а с потолка – вырезанный из дерева и окрашенный в синюю краску голубеночек, “вроде как бы святой дух”. И так в этой чистой комнате, куда заглядывают хозяева только в торжественных случаях, будет висеть старик помор, потом сын с женой и с детьми. Постепенно возникнет любопытнейшая фамильная галерея в этой чистой комнате с тюлевыми занавесками и старинными образами» [8].

Для М.М. Пришвина эпиграф из «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева становится декоративным элементом, который отсылает к жанровой традиции, но максимально не соответствует ей. «Это не путешествие, это роман <...>. Так начался роман “Св. Николая” и “Великой княгини Ольги”. Светлую ночью мы решали их судьбу, как античные боги на Олимпе, а оба судна стояли рядом у берега: “Ольга” еще молчаливая, а “Николай” взволнованный, на парах» [Там же]. С.Н. Дурьлину важна точность деталей, ключевых и определяющих масштаб топоса. Первое увиденное, оно же самое существенное: «Деревянная церковка и избы: село» [3, с. 15]. Далее в Великом Устюге: «Заходимъ въ маленькую низкую церквушку. Звонять къ обѣднѣ жиденькимъ надтреснутымъ звономъ, какъ будто жалуются колокола: все равно, никто не придетъ. Церковь пуста: ни одного человека. А посредине церкви – целое археологическое сокровище: огромная кафельная печь, старинная и прекрасная, изъ чудесныхъ изразцовъ, выдержанныхъ въ двухъ тонахъ – зеленомъ и беломъ» [Там же, с. 17]. Элементы репортажности у С.Н. Дурьлина проявляются в отборе и констатации фактов («храмы опустели»), предпочтениях конкретной лексики. В то время как лейтмотивный образ из подобного смыслового ряда у М.М. Пришвина – абстрактная черная икона: «... я увижу черную икону с красным огоньком, на которую молятся наши крестьяне. На этой таинственной и страшной иконе нет лика» [8]. Он частотен и появляется как формальный признак «религиозной» рефлексии путешественника: «... ничтожная причина перевертывает мой дух на другую, темную сторону. Маленькая старушка, недалеко от меня, усевшись на грязном мешке, вынимает небольшую, черную икону и начинает тут же в виду алебастровых гор молиться. <...> Она молится, а я припоминаю, как меня когда-то такая же старушка учила молиться такой же черной иконе. Она грозила мне, если я буду грешить, такими ужасными муками, что я навсегда стал думать об Отце как о беспощадном, жестоком боге» [Там же]. Вывод еще до пародийно представленной религиозной жизни Соловецкого монастыря: «Скучно быть долго в этом подвале котомок. Тягостно. Заглянул – и довольно. Наверх! Там еще белеют фантастические алебастровые горы»

[Там же]. Мифопоэтическая и ориентированная на факт, документ основа метода наглядно проявляется в воссоздании каждым из путешественников поморов. М. М. Пришвин предлагает образно-художественную классификацию, разделяя их на «свободных» мифологизированных и «много заимствующих у норвежцев и живущих во многом упорядоченно» [Там же]. В описании первых центральная глава – «Слетуха». «Тоска по водке» как следствие образа жизни и потребностей, при этом и в описаниях данной сцены, и в выстраивании эпизодов собственного участия в рыбном промысле писатель широко использует метафоры и фольклорные образы, основанные на вымысле легенды, украшающие и оживляющие текст очерка. Влияние реальности более всего фиксируется в «разорванности» диалога, когда на «крик души» помора: «Какая это жизнь, какое это дело, что вот так, в одну минуту, все может перевернуться, как лодка? Скажите, что в вашем деле... что вы там делаете... в этом ученом деле тоже так?» – следует реплика бытового содержания. «Но в это время меня качнуло сначала к стене, потом назад по направлению к крысам, потом прижало к краю койки. Я не мог ответить так же искренно в тон капитану, буркнул ему что-то и поднялся вверх, на палубу» [Там же]. С. Н. Дурылин «живую жизнь» ищет в конкретизации окружающего его, от общего плана он переходит к детализации, так чудесные русские лица становятся предварением встречи с людьми, наделенными именами (матрос Алексюша Дементьев), когда суть характера помора передана через реакцию удивления: «Какъ это ни странно, при всей тяжести труда грузчика, плотовщика (сколько ихъ тонуть при двинскихъ буряхъ, при неосторожномъ движеніи парохода, задѣвшаго за плоты!), рыбака, матроса, – нигдѣ я не видалъ такого радостнаго, кроткаго, ласковаго отношенія къ труду, какъ здѣсь!» [3, с. 31]. Противоположны функции использованной обоими авторами легенды о подрядчике, воспользовавшемся неразличением дня и ночи для обмана работников. У М. М. Пришвина – это забавный эпизод в ряду других элементов увлекательности сюжета, у С. Н. Дурылина – деталь бесправного положения работника, что определяет отношение к главному объекту «За полуночнымъ солнцемъ» и важному источнику впечатлений «За волшебнымъ колобкомъ» – лопарям.

Оба автора вводят «чужую» точку зрения на них. М. М. Пришвин персонифицирует мнения, предлагая читателю видение «батюшки», купца, помора, «странствующего армянина», затем «чиновника». Вымысел и реальные факты, взаимодействуя, рождают образ несчастного, трусоватого «дикаря», нельзя согласиться с трактовкой данного образа и в целом очерка А. Н. Варламовым [2]. Вот одна из типичных сцен, усиленная далее легендами о подобных случаях: «Лапландка от испуга пустила в меня веслом, промахнулась, хотела зарезать, но ее удержали, и теперь с ней истерика» [8]. Неустойчивость нравственных представлений лопарей

воспроизведена через быструю немотивированную смену «решений» северянина: от запрета убийства куропатки-матери («Если бы не лопарь, я бы убил куропатку и не подумал бы о ее детях») [Там же] до полного равнодушия («Да и убей...») [Там же]. Гиперболизация позволяет встроить образ лопаря в фольклорно-мифологическую парадигму. Контрастна авторская установка на фактическую точность, подтвержденную документальными источниками у С.Н. Дурылина. Глава о лопарях выделена в самостоятельную и дополнена приложением со списком источников по изучению народа, писатель отмечает существующее предубеждение о верованиях северян. «Чужие» отрицательные характеристики лопарей часто основаны на языковых нюансах и не несут отрицательной коннотации. Например, «народъ дрянъ» [3, с. 39], как выясняется из контекста, синоним слабости, которую используют против них корыстные люди. Концептуальная позиция С.Н. Дурылина – лопари более 500 лет христиане – у М.М. Пришвина вызывает удивление: «Я расспрашиваю Василия дальше о его верованиях, он оказывается убежденным христианином» [8]. С.Н. Дурылин плодотворность миссионерства объясняет не только подвижничеством преподобного Трифона, но и благоприятной почвой, прирожденными «духовными» чертами: «Лопскій народъ, всѣмъ своимъ характеромъ, былъ какъ бы приготовлень для воспріятія христіанскаго ученія. Простыя истины любви, незлобивости, дѣтской простоты и кротости, передаваемыя простымъ и любящимъ преподобнымъ Трифономъ, были близки и понятны лопарю» [3, с. 64]. Удельный вес языческих суеверий лопарей у двух авторов несопоставим. У С.Н. Дурылина оценки выстраиваются вокруг сквозных понятий: «бескорыстие», «доброта», «детскость», экскурс в историю и современность предъявляет читателю многочисленные факты угнетения северного народа. Сопоставление близких бытовых эпизодов в очерках двух писателей (сцены с дарением жемчуга) вызывают у повествователя «За полуденным солнцем» восхищение отсутствием расчета (поездка «тридцатипятилетнего ребенка» Ивана с медиком за жемчугом), у путешественника «За волшебным коллобком» сцена воссоздана как торг «vice pour service» (услуга за услугу – И. К.) повествователя и «дочери Похиолы».

Таким образом, в публицистическом тексте автора «За полуденным солнцем» основа не столько любопытство, этнографический интерес, но «уважение» (по слову С.Н. Дурылина, выстраивающего бинарные оппозиции нравственных качеств лопаря и помора), этика определяет отбор и воплощение фактов. Пришвинская двойственность как прием в отражении реальности приводит к иной оценке перспектив существования северного народа. Вывод, статистически доказываемый С.Н. Дурылиным, основан на акцентировании «духовных черт» [Там же, с. 64] лопарей, что позволяет им, как полагает он, вопреки материальным условиям выживать. У М.М. Пришвина возникает сконцентрированный образ «брошенного вы-

мирающего народа» – «настоящего одиночества» – как рефлексия-воспоминание по контрасту уже в Норвегии. Для С. Н. Дурылина принципиальны факты, конкретика, а не абстракции. В данном контексте парадоксален позитивистский лейтмотив М. М. Пришвина. Так, разочарование в Зверобое начинается с обнаружения абсолютного равнодушия поморов к науке и прогрессу. Сопоставление пришвинской оценки «художественных» лощей поморов противостоит дурылинскому отсутствию культа науки в очерках и констатации факта, что карты, которыми их снабдили для экспедиции, оказываются устаревшими более, чем на 20 лет. Это не становится аргументом в пользу невежества поморов, скорее формулируется как вопрос отечественным исследователям Севера первого десятилетия XX века. Характер используемой условности, соотношение вымысла и реальности, мотивировки показывают ключевое отличие в трактовке природы и чуда у каждого из авторов. Репортажность, отбор фактов и средств не противоречат мировоззрению, ставшему основой метода С. Н. Дурылина, но свидетельствуют о формировании основы духовного реализма как существенной тенденции развития литературы первой трети прошлого века наряду с мифопоэтической основой метода М. М. Пришвина. В антропоцентрической картине мира преодоление нецелостности достижимо через идеи всеединства, в то время как в христианской иерархической онтологии С. Н. Дурылина реалии свидетельствуют о духовном измерении мира. Отсюда попытка зафиксировать действительность без мифологизации, необходимой М. М. Пришвину для возвращения к радостному бытию идеализированного детства. Художественные системы представляют противоположные возможности литературы в воплощении реальности.

Список литературы

1. Бuzдыгар М. А. История русского интеллигента: духовный опыт С. Н. Дурылина (1900 – начало 1920-х гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук: 24.00.01 / М. А. Бuzдыгар; Ярославский гос. пед. ун-т. Ярославль, 2008. 23 с.
2. Варламов А. Н. М. М. Пришвин. Москва: Молодая гвардия, 2021. 560 с.
3. Дурылин С. Н. За полуночным солнцем. Москва: Типо-литография Т-ва Кушнеревъ и К°, 1913. 119 с.
4. Коршунова Е. А. «Географические неожиданности» и не только: поэтика Водлозерского дневника С. Н. Дурылина // *Studia Litterarum*. 2021. Том 6. № 2. С. 386–405.
5. Коршунова Е. А. Литературное творчество С. Н. Дурылина: поэтика, онтология, контекст: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / Е. А. Коршунова; Московский гос. ун-т. Москва, 2021. 42 с.
6. Курбатов В. Я. М. М. Пришвин. Жизнеописание идеи. Москва: Советский писатель, 1986. 224 с.
7. Лишова Н. И. Феномен странствия в творчестве М. М. Пришвина. Москва: Флинта, 2021. 152 с.

8. Пришвин М. М. За волшебным колобком [Электронный ресурс] // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Москва: Худож. литература, 1982. Т. 1. URL: <https://traumlibrary.ru/book/prishvin-ss08-01/prishvin-ss08-01.html#s004> (дата обращения: 12.12.2022).
9. Поспелова О. В. Мифопоэтика прозы северного текста начала XX века (А. М. Ремизов, Е. И. Замятин, М. М. Пришвин, А. П. Чапыгин): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / О. В. Поспелова; Северный (Арктический) федеральный университет. Северодвинск, 2017. 30 с.
10. Хмельницкая Т. Ю. Творчество Михаила Пришвина. Ленинград: Советский писатель, 1959. 283 с.
11. Холодова З. Я. Художественное мышление М. М. Пришвина: Содержание, структура, контекст. Иваново: Иваново, 2000. 295 с.
12. Элиаде М. Аспекты мифа. Москва: Инвест-ППП, 1995. 238 с.

THE NORTH AS AN OBJECT OF PUBLICISM M. M. PRISHVIN AND S. N. DURYLIN: TO THE PROBLEM OF THE METHOD

I. A. Kazantseva

Tver State University, Tver

The article examines the trends in the development of Russian literature in the early twentieth century on the basis of two northern essays by M. M. Prishvin and S. N. Durylin. The sources and causes of the key differences in the ways of realizing the fact are established. The question of the patterns of development of Russian literature in the first half of the 20th century is illustrated through two main trends in the literary process, which took shape in opposite aesthetic systems, confirming the diversity of types of realism.

Keywords: *axiology, documentary, intermediality, convergence, narrative, essay, journalism.*

Об авторе:

КАЗАНЦЕВА Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (171100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Kazantseva.IA@tversu.ru.

About author:

KAZANTSEVA Irina Aleksandrovna – Doctor of Filology, Professor at the Department of Journalism, Advertisement and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Szhelyabov str., 33), e-mail: Kazantseva.IA@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.07.2023 г.

Дата подписания в печать: 28.08.2023 г.